

Александр Чернов

СПЕЦИАЛЬНЫЙ РЕПОРТАЖ

ГЛАВА 1

1

Двадцать пятого марта, ближе к вечеру, я лежал на диване, что стоит на лоджии нашей квартиры, и читал «Крестного отца» Марио Пьюзо. Мать в который уже раз крикнула из кухни:

— Дима, если ты сейчас же не пойдешь в магазин — останемся без хлеба!

Я с сожалением отложил увлекательную книгу и выглянул в окно.

Второй год подряд в нашем городе капризный март по несколько раз в день уступал свое место осени, зиме и лету. Но все эти уступки заканчивались проливным дождем, от нескончаемости которого становилось страшно при мысли, что где-то в горах прорвет плотину и на наш город обрушится водяной вал... Но вот уже второй день как установилась ясная, по-летнему солнечная погода, и народ сновал по улицам разодетый в плащи, куртки, костюмы, самые же нетерпеливые пижонили в свитерах. Я не относился к последней

категории молодых людей, поэтому поверх рубашки надел осеннюю куртку, вышел в подъезд и спустился по лестнице.

До магазина — рукой подать, каких-то двести метров, даже сигаретой не успеешь насладиться. Я закурил «Парламент», обошел соседний дом, пересек дорогу и бросил в урну сгоревшую лишь на одну треть сигарету. Хлеб в булочной достался свежей выпечки, хрустящий, обжигающий пальцы.

Возвращаясь той же дорогой, я заметил впереди Казанцеву Лену — свою соседку по подъезду. Она шла под ручку с незнакомой девушкой, затем обе скрылись в нашем подъезде. Я прибавил шагу и нагнал молодых женщин в тот момент, когда они уже миновали площадку второго этажа, где жил я, и поднимались выше.

Обе высокие, почти одного со мной роста. На Лене черный кожаный плащ, который она совсем недавно привезла из поездки за границу, ее попутчица одета в не менее эффектный плащ, но красный.

Лена — женщина гордая, никогда не оглянется, даже если заметит вас, никогда не заговорит первой.

Положив на перила руку, я замедлил движение, будто и не бежал, и запрокинул голову.

— Привет! — улыбнулся я.

Лена, у которой было лицо восточной

красавицы, улыбнулась в ответ:

— Здравствуй!

Я перемахнул оставшиеся ступеньки и остановился напротив женщин.

Лена повернулась ко мне, все так же лучезарно улыбаясь:

— Давно тебя не видела, Дима... Как поживаешь?

— Отлично! А ты?

Повернулась и спутница Казанцевой — вот тут-то я и обомлел. Как это ни банально, но это была Она: та единственная и неповторимая, которую я давно мечтал встретить. При тонкой талии — двумя пальцами переломить можно — великолепная грудь, которой, я уверен, не требуются дополнительные приспособления для поддержки; волшебный профиль принцессы из какой-нибудь мультяшки; устрашающе огромный разрез синих глаз, а самое главное — метровой длины пышные волосы цвета восходящего солнца. На фоне девчонки Лена выглядела бледным размытым пятном, хотя кого-кого, а уж Казанцеву крокодилем никак не назовешь. Ноги девушки я толком не рассмотрел, постеснялся взглянуть пристальней вверх, где под распахнутым плащом соблазнительно поблескивали колготки, но, думаю, нижняя половина ее тела должна была соответствовать верхней.

Сердце мячиком запрыгало в груди, норовя вырваться и заскакать вокруг пленившей меня незнакомки. Я молчал. Молчал, как обыкновенный смертный, взгляду которого неожиданно предстало божество. Очевидно, вид у меня был не вполне нормальный: девушка, прекрасно сознающая свою красоту и то впечатление, которое она произвела на меня, снисходительно улыбнулась, а Лена расхохоталась, обнажив словно только что отполированные зубы.

— Как?! — спросила она, склонив голову набок. — Хороша подружка?

Я опустил глаза и постучал носком туфли о ступеньку лестницы.

— Очень...

— Ну что ж, — сказала Казанцева, подумав. — Заходи через полчаса, составишь нам компанию.

Я сказал, что приду непременно.

Девушки упорхнули. Под длинным плащом незнакомки я успел заметить мелькнувшую идеальной формы маленькую стопу, обутую в красную туфельку.

Облачко счастья приподняло меня и внесло в квартиру.

— Маман! — заорал я с порога. — Где мой новый свитер?

Мать начинала гладить белье и от

неожиданности чуть не выронила утюг.

— Зачем он тебе? — оборотила она к дверям лицо добропорядочной пенсионерки, первый год состоящей на заслуженном отдыхе.

— В гости иду.

Мать поморщилась:

— Опять к этой фифочке с пятого этажа?

Я давно уже считал себя состоявшейся личностью и потому любое посягательство на свою свободу со стороны родителей воспринимал в штыки.

— А если и к ней, что из этого? — спросил я тоном единственного, да и то неблагоприятного ребенка.

Мать вскипела, выпустив из-под утюга облачко пара:

— Совести у тебя нет, встречаешься с женщиной, которая в два раза старше тебя.

В ответ я фыркнул:

— Ну, мать, это уж ты загнула! Всего лишь пять лет разницы. — Я отнес на кухню хлеб и возвратился в комнату, обставленную в соответствии с достатком рядовой семьи. — И чем она тебе не угодила? Лена — заместитель директора научно-исследовательского института... и вообще: умная, интеллигентная и вполне порядочная женщина.

— Стерва она порядочная, — мать на секунду

перестала гладить. — Помяни мое слово, эта Цирцея женит тебя на себе.

Я рассмеялся:

— Никогда! Лена — типаж женщины, неспособной размениваться на стирку рубашек, носков, а уж тем более пеленок. У нее цельная натура человека, который стремится к верху благополучия и считает главным в своей жизни прочное место и всеобщее поклонение. — Я притворно вздохнул: — Нет, не быть мне мужем новоявленной Цирцеи. Так где мой новый свитер?

Мать махнула на меня рукой, как на обреченного.

— В твоей комнате в шкафу на антресолях.

Я зашел в ванную, вымылся до блеска, тщательно выбрился, потом в коридоре перед зеркалом стал сушить феном волосы.

Я вообще-то парень ничего себе, не урод. Женщины, правда, на улице не оглядываются. Но при встрече и не отворачиваются. Глаза карие, нос с горбинкой, подбородок твердый, драчливый. Фигура тоже нормальная. Конечно, до Аполлона далековато — но качаюсь помаленьку.

Мать все еще ворчала:

— Подстригся бы. Перед людьми стыдно. Ты же не артист.

— Тем не менее творческая личность, — парировал я. — Художники, писатели, ученые и

прочие неординарные члены нашего общества — все носят длинные волосы.

— Ну не все, положим. — Догладив белую сорочку, мать повесила ее на спинку стула. Я тут же подхватил рубашку и надел.

— Маман, не будем мелочиться, — сказал я, продолжая прерванный разговор, и с трудом пропихнул в петлю пуговицу манжета. — Выдающиеся личности всегда отличались эксцентричностью.

— Но ты-то, — зудела мать, — мало чем проявил себя в интеллектуальном плане, однако пользуешься привилегией людей неординарных.

Занятый собой, я вяло отвечал:

— Ничего, я еще молод, успею стать знаменитостью.

«Впрочем, мать права, — подумал я, расчесывая густые черные волосы, кольцами спадавшие на плечи. — Надо подстричься. На службе затюкали — подстригись да постригись, говорят, похож на пуделя с этикетки собачьих консервов. К тому же, начиная с завтрашнего дня, придется поработать на новом месте, с новыми людьми встречаться. Несolidно как-то... Доверия не будет. Да и признаться, надоело мне возиться с прической: когда становится жарко или когда собираюсь принять душ, приходится стягивать сзади волосы резинкой.

— Ладно, — сказал я, заканчивая перепалку с матерью. — Уговорила. Завтра же подстригусь!

Я прошел в свою комнату, извлек из шифоньера целлофановый пакет, вытряхнул мохнатый серый свитер с разноцветными полосками на груди и рукавах и взглянул на часы. Десять минут восьмого. Прошло достаточно времени, чтобы соблюсти приличия: не показаться назойливым. Я надел брюки, влез в свитер, придирчиво оглядел себя в зеркало — и остался доволен комплексной подготовкой к выходу в свет. Прихватив из второго тома Вальтера Скотта — своей зачатки — несколько купюр различного достоинства, вышел из дому.

Еще одна пробежка по магазинам — и в руках у меня бутылка сладкого шампанского и коробка конфет.

Душа пела «Сердце красавицы»; я поправил воротничок рубашки, одернул свитер — так сказать, последний штрих — и очень медленно, дабы не предстать перед дамами потным и запыхавшимся, стал подниматься на верхний этаж.

Казанцева Елена Сергеевна, одинокая двадцативосьмилетняя особа, переехала в наш старый дом сравнительно недавно, полтора года тому назад. Познакомился я с ней десять месяцев спустя, совершенно случайно. Лена купила стиральную машину и стояла с ней у подъезда, не

зная, что предпринять. Тут подвернулся я, и Лена попросила отнести покупку к ней домой. Взвалив машинку на плечи и не подавая виду, что она сделана словно из свинца, я довольно бодро попер ее на пятый этаж. В уютной квартирке Лены распаковал агрегат и установил его в указанное место, за что меня угостили кофе и приготовленными на скорую руку сэндвичами. С тех пор Лена дружбу со мной не теряла, звала, когда требовалось забить гвоздь, починить розетку, утюг, да и мало ли для каких нужд может пригодиться в хозяйстве мужчина. Но однажды, занятый очередной безделицей, я задержался дольше обычного, мы немножко выпили, — и я остался ночевать. Потом я не раз исполнял свое истинно мужское предназначение, чем и вызывал недовольство родителей, которые обо всем догадывались, но пока помалкивали. Лена не принимала меня всерьез, ей нужна была птица более высокого полета. Она говорила, что делит со мной ложе только в силу физиологической необходимости. Конечно, такое потребительское отношение задевало мою мужскую честь, но тешило тщеславие: обладать такой женщиной, как Лена, — мечта любого мужчины.

Двери открыла Казанцева.

Лена — женщина красивая, с изюминкой. Есть в ее облике нечто экзотическое. Овал лица

слегка удлинённый, красивые глаза, нос прямой, губы строгие. Все линии лица четкие, будто очерчены остро заточенным карандашом художника. Сама стройная, гибкая, легкая. Сегодня особенно хороша прическа. Шикарные каштановые волосы зачесаны назад и слегка покрыты спереди лаком, отчего кажется, что в лицо ей дует сильный ветер.

Я вошел в коридор, пряча за спину бутылку шампанского и коробку конфет.

— Какой нарядный, — протянула Лена, привлекла к себе и, обдавая дурманящим запахом дорогих духов, прошелестела в ухо: — Маленький негодник! Совсем забыл дорогу ко мне. — Казанцева чмокнула меня в щеку и тут же вытерла следы губной помады.

Необычайно радушный прием озадачил меня, я принужденно улыбнулся:

— Я звонил тебе пару раз, но никто не отвечал.

Лена положила руки мне на плечи. От прикосновения ее тугой груди у меня сбилось дыхание.

— Вполне возможно, — проворковала она. — Ты же знаешь, как сильно я устаю от работы, и часто вечерами отключаю телефон, чтобы знакомые не донимали звонками. Однако для тебя дверь всегда открыта. Но гадкому мальчишке лень